

Ю. С. МАСЛОВ

КАТЕГОРИЯ ПРЕДЕЛЬНОСТИ/НЕПРЕДЕЛЬНОСТИ
ГЛАГОЛЬНОГО ДЕЙСТВИЯ В ГОТСКОМ ЯЗЫКЕ

В научной и учебной литературе по германистике как за рубежом, так и в нашей стране до сих пор широко распространен взгляд, согласно которому в древних германских языках — и особенно в готском — существовала грамматическая категория совершенного и несовершенного вида, более или менее аналогичная категориям совершенного и несовершенного вида славянских языков. Первые зачатки этого взгляда находим еще у Я. Гримма, в дальнейшем его развивал А. Шлейхер и ряд других ученых, а наиболее законченную и крайнюю форму он приобрел к концу XIX в. в построениях В. Штрейтберга и его школы¹.

По Штрейтбергу, глаголы совершенного вида образуются в готском, как и в славянском, посредством префиксации из простых, т. е. бесприставочных глаголов несовершенного вида. Перфективируя глагол, приставка, как и в славянских языках, может видоизменять его лексическое значение (например: *gaggan* «идти» — *usgaggan* «выйти»), либо же может выступать в качестве «средства чистой перфективации» (например, *saihwān* «видеть» — *gasaihwān* «увидеть»). В этой последней функции чаще всего используется в готском приставка *ga-*. Кроме того, как и в славянских языках, здесь существует некоторое количество бесприставочных глаголов совершенного вида — так называемые «perfectiva simplicia» (например, *wairfan* «стать»). Не останавливаясь на прочих сторонах детально разработанной гипотезы Штрейтберга, отметим, что его ученики быстро распространили ее основные положения на другие древние германские языки, так что в начале XX в. эта гипотеза, или уже теория, стала своего рода «общим местом» германской филологии.

Между тем всего через год после выступления Штрейтберга его учение подверглось основательной критике: чешский германист В. Моурек на большом материале убедительно показал, что в готском языке, в отличие от славянских, не может быть и речи о перфективирующей функции глагольной приставки, по крайней мере во всех тех случаях, когда эта приставка вносит новый оттенок в лексическое значение глагола (т. е. гот. *usgaggan* соответствует по значению не только славянскому «выйти», но в равной степени и славянскому «выходить») ². Несколькими десятилетиями позже в работах А. Бера и затем в работе А. Мировича была вскрыта неправильность центрального положения гипотезы Штрейтберга — положения о перфективирующей функции приставки *ga-*, а также и положения о совершенном видовом значении так называемых «perfectiva simplicia» ³. Бер с позиций «естественного» языкового чувства славянина,

¹ См. W. Streitberg, *Perfektive und imperfektive Aktionsart im Germanischen*, PBB, Bd. XV, Hf. 1, 1889, стр. 70—177. Там же указана и предшествующая литература. Библиографию более поздних работ В. Штрейтберга и его последователей см. в кн.: O. Behagel, *Deutsche Syntax*, Bd. II, Heidelberg, 1924, стр. 93—95.

² См. V. E. Mourék, *Syntax gotských předložek*, Praha, 1890. См. также «Anzeiger für deutsches Altertum und deutsche Literatur», Bd. 24, 1895, стр. 195—204, где напечатана рецензия В. Моурка на работу одного из последователей В. Штрейтберга Р. Вустмана «Verba perfectiva namentlich im Heliand».

³ См. Ant. Beer, *Trí studie o videch slovesného děje v gotštině, část I—III*, Praha, 1915—1921; его же, *Beiträge zur gotischen Grammatik, I — gawisan*, PBB, Bd. 43, Hf. 3, 1918, стр. 446—469; A. Mirowicz, *Die Aspektfrage im Gotischen*, Wilno, 1935.

а Минович — более строго в методическом отношении — с позиций видовой теории Э. Кошмидера, разграничивающей обязательное и факультативное употребление вида, наглядно показали, что в значительном количестве случаев готские глагольные формы, совершенные, по Штрейтбергу, выступают в таких контекстах, в которых по смыслу возможен только несовершенный вид (т. е. *gasaihwān* может значить не только «увидеть», но иногда и «видеть», *wairfan* — не только «стать», но и «становиться» и т. д.). Еще чаще встречаются обратные примеры, где форма, несовершенная, по Штрейтбергу, оказывается по смыслу совершенной.

Казалось бы, что работами Бера и особенно Миновича гипотеза Штрейтберга разрушена до основания. Уже в начале 30-х годов (т. е. еще до выступления Миновича) Б. Трнка говорит о ней как о «величайшей научной фикции в немецкой германистике»¹. И тем не менее она упорно держится и в общем даже сохраняет свое господствующее положение вплоть до нашего времени². Показательно, что еще и в 1954 г. Ф. Шереру приходится вновь сопоставлять готский со славянским и пространно доказывать отсутствие в готском языке «формальной системы» выражения совершенного и несовершенного вида³.

Почему же гипотеза Штрейтберга и особенно ядро этой гипотезы — положение о перфективирующей функции готской приставки *ga-* — оказались такими «живучими»?

Вероятно, потому, что оппонентам Штрейтберга (включая и последнего по порядку — Шерера) не удалось, при всей убедительности их критики, дать какое-то положительное решение вопроса о функциях «лексически бесцветной» приставки *ga-* в готском языке, не удалось выяснить, какие же именно видовые или им подобные категории стоят за чередованием готских бесприставочных и приставочных форм типа *saihwān*: *gasaihwān*⁴. Оппоненты Штрейтберга только доказали, что в готском не было грамматической («формально выраженной») категории совершенности/несовершенности славянского типа, но они даже не пытались поставить вопрос, не было ли там каких-либо иных видовых или «виодообразных» категорий (таких, например, какие находят в глаголе различных других неславянских языков). Именно потому оппоненты Штрейтберга и не смогли, как выразился А. Мейе в кратком отзыве о книге Миновича, «положить конец спорам на эту трудную тему»⁵.

Было, правда, выдвинуто в науке и некое положительное решение вопроса о видовых категориях готского глагола, расходящееся с концепцией Штрейтберга: в трудах Б. Дельбрюка, А. Норена, Б. Трнки и М. М. Гухман в различной связи и в различных формулировках была высказа-

¹ См. «Slavische Rundschau», Jg. IV, № 4, 1932, стр. 325.

² Так, по существу вполне в духе Штрейтберга (несмотря на известные терминологические нововведения) освещает вопрос о «виде и способе действия» в готском языке автор последнего зарубежного учебника этого языка В. Краузе (см. W. Krause, Handbuch des Gotischen, München, 1953, стр. 200—204). О перфективирующей функции приставки *ga-* говорит и боснийский германист И. Пудич, хотя он и считает, в отличие от Штрейтберга, что в готских глаголах, не содержащих этой приставки, вид был «факультативен», т. е. определялся контекстом (см. Ив. Пудич, Префикс *ga-* у готском језику, Сарајево, 1956).

³ См. Ph. Scherer, Aspect in Gothic, «Language», vol. 30, № 2, 1954, стр. 241—223. Ср. его же, Aspect in the OHG of Tatian, «Language», vol. 32, № 3, 1956, стр. 423—434.

⁴ Бер пытался объяснить чередование форм с *ga-* и без *ga-* по крайней мере отчасти тем, что якобы у готского переводчика имелась тенденция передавать формами с *ga-* приставочные глаголы греческого подлинника. Но факты говорят против этого предположения. Так, например, *gasaihwān* 150 раз соответствует бесприставочным глаголам и только 2 раза формам с приставками, *gameljan* 58 раз передает греч. γράφειν и только 4 раза приставочные образования и т. д. По подсчетам Райса (A. L. Rice, Gothic prepositional compounds, Philadelphia, 1932), в целом из 2516 засвидетельствованных готских форм с *ga-* 1712, т. е. почти 0,7 всех форм, отвечают бесприставочным глаголам в греческом оригинале.

⁵ См. BSLP, t. XXXVI, fasc. 1, 1935, стр. 77.

на догадка о том, что известные готские глаголы выражали терминативное (предельное) значение, которое отличается от значения совершенного вида и, как подчеркивал Норен, шире его ¹. Одни из названных ученых говорят только о приставочных глаголах, другие — также и о «perfectiva simplicia» Штрейтберга, но никто из них не доказывает свою мысль анализом конкретных текстов готского языка (в лучшем случае дело ограничивается лишь несколькими отдельными иллюстрациями). Созданное в основном Нореном учение о «курсивном» и «терминативном виде» с самого начала опиралось на материал современных германских языков и в дальнейшем разрабатывалось применительно именно к этим языкам. Для готского же оно остается только недоказанным предположением, чтобы не сказать — брошенной вскользь догадкой ². Поэтому никак не является случайным, что в настоящее время некоторые германисты, вполне принимая для современных германских языков учение о категории терминативности/курсивности (или в более новой русской терминологии — предельности/непредельности) глагольного действия, применительно к древним германским языкам продолжают, в духе традиционных концепций, говорить о «перфективном и неперфективном виде» ³.

Все это указывает на то, что, казалось бы, очень старый и много обсуждавшийся вопрос о видовых категориях готского глагола никак не может считаться решенным и, несомненно, нуждается в новом исследовании.

Приступая к рассмотрению готского материала, мы сразу же замечаем, что перфективные, по Штрейтбергу, глаголы этого языка могут быть разделены на две группы: а) такие, которые вовсе не имеют рядом с собой — по крайней мере в засвидетельствованных текстах — имперфективных дублетов, совпадающих с ними по лексическому значению, и б) такие, которые как будто имеют при себе подобные дублеты и, по Штрейтбергу, образуют с ними «чистые видовые пары».

В первую группу войдут при таком разделении все глаголы с приставками, не утратившими своего лексического значения ⁴, и большая часть глаголов «perfectiva simplicia» Штрейтберга, таких, как *giban* «дать» (и «давать»), *niman* «взять» (и «брать»), а также *qiman* «прийти» (и «приходить»), *briggan* «принести» (и «приносить»), *wairþan* «стать» (и «становиться»), от которых соответственно *gaggan* «идти», *bairan* «нести» и *wizan* «быть» явно отличаются своими лексическими значениями. Далее сюда же придется включить и некоторые широко употребительные глаголы с приставками, в том числе и с приставкой *ga-*, рядом с которыми вообще не засвидетельствовано соответствующих бесприставочных глаголов, например *ganisan* «выздороветь» (и «выздоровливать»),

¹ См. B. Delbrück, *Vergleichende Syntax der indogermanischen Sprachen*, Bd. II, Straßburg, 1897, стр. 160—161 (ср. и стр. 126). Для правильного понимания мысли Дельбрюка надо учесть необычное применение им термина «perfektiv» (см. там же, стр. 146 и 151—152), A. Noreen, *Vårt språk*, V, Lund, стр. 646 и 647; B. Trnka, *Some remarks on the perfective and imperfective aspects in Gothic*, «Donum natalicium Schrijnen», Nijmegen — Utrecht, 1929, стр. 496—500; его же, *O podstatě vidů*, «Časopis pro moderní filologii», 14, 1928, стр. 193—197; М. М. Гухман, Готский язык, М., 1958, стр. 128—129, 171—172, 207—209.

² Еще менее конкретно замечание Гедше о том, что готские глагольные приставки выражают не вид (перфективность), а способ действия (Aktionsart). Какой или какие способы действия, Гедше не указывает и даже не приводит ни одного примера из готского текста. См. C. R. Goedsche, *Aspect versus Aktionsart*, «The journal of English and Germanic philology», vol. 39, 1940, стр. 189—196.

³ Ср., например, с одной стороны: И. П. Иванова, Видовременная система в современном английском языке. Автореф. докт. диссерт., Л., 1957. В этой работе на базе учения Норена развивается интересная теория о предельности/непредельности как о «видовом характере глагола». С другой стороны, см. опубликованную в том же году статью того же автора «К вопросу о категории вида в древнеанглийском языке» («Уч. зап. [ЛГУ]», № 197. Серия филол. наук, вып. 23, 1957, стр. 172—190), где англосаксонская приставка *ge-* рассматривается как (правда, факультативное) средство оформления «перфективного вида».

⁴ В том числе и те глаголы с приставкой *ga-*, в которых она выступает с лексическим значением «совместности», например *garinnan* = συνέρχουαι (Lk., V, 15 и др.).

urreisan «подняться» (и «подниматься»), 48 глаголов IV слабого спряжения на *-nan*, засвидетельствованных только в сочетании с приставками: *gaþaurstan* «засохнуть» (и «засыхать»), *usgutan* «пролиться» (и «проливаться») и т. д.

Во вторую группу, кроме пар, в которых бесприставочный глагол противостоит глаголу с приставкой *ga-* или в некоторых случаях с другой приставкой, утратившей определенное лексическое значение, например *us-* (*bugjan* : *usbugjan*, по теории Штрейтберга, «покупать : купить»), войдет несколько «супплетивных» пар, т. е. таких, в которых друг другу противостоят два бесприставочных глагола, например *rodjan* : *qīþan* (по Штрейтбергу, «говорить : сказать»), или бесприставочный глагол противостоит глаголу с приставкой, образованному от другой основы, например, *gaggan* : *galeiþan* (по Штрейтбергу, «идти : пойти»).

Очевидно, что для решения проблемы вида в готском языке важность одной и другой группы далеко не одинакова. Что касается глаголов первой группы, т. е. непарных, то их двузначность при сопоставлении с глаголами славянских языков вполне естественна и была убедительно вскрыта уже Моурком. Достаточно простого «словарного» перевода на какой-либо славянский язык, чтобы стало ясно, что инфинитив каждого из этих непарных глаголов обычно противостоит в славянских языках паре инфинитивов, различающихся между собой именно в отношении вида. Иное дело — глаголы второй группы, т. е. глагольные пары готского языка. Когда видовой паре славянских глаголов противостоит по крайней мере в словаре не один глагол, а тоже пара, кажется естественным предположить внутри такой пары семантическую дифференциацию, аналогичную видовой дифференциации в славянском глаголе. Как бы сама собой напрашивается пропорция: *saihwān* : *gasaihwān* = *видеть* : *увидеть*, из которой остается только сделать вывод о существовании категории совершенного и несовершенного вида в готском глаголе. По этому пути и пошли Штрейтберг и его школа. Оппоненты Штрейтберга доказали фиктивность подобных построений, однако, как сказано, не предложили ничего взамен. В настоящее время задача заключается в том, чтобы выяснить, существует ли действительно какое-либо различие в видовых или «видообразных» значениях между двумя членами пары, и если такое различие существует, то в чем именно оно состоит и как оно проявляется, каково его соотношение с различием совершенного и несовершенного вида в славянских языках. Только идя по этому пути, можно попытаться разрешить интересующую нас проблему.

Уже сравнительно небольшого знакомства с материалом достаточно, чтобы увидеть, что сплошное тождество значений обоих членов пары, вытекающее, например, из рассуждений Бера, Мировича или Шерера, является такой же фикцией, как и видовая теория Штрейтберга, подвергнутая в работе этих ученых справедливой критике. Действительная картина оказывается намного сложнее как одной, так и другой точек зрения. Для некоторых глагольных пар, например для пар *wairpan* : *gawairpan* «бросать», *driusan* : *gadriusan* «падать», *nasjan* : *ganasjan* «спасать», *greipan* : *undgreipan* «хватать», засвидетельствованы только факты семантического тождества бесприставочного и приставочного члена (*wairpan* = *gawairpan* и т. д.). Таким образом, у нас нет данных, которые позволили бы с достоверностью утверждать, что первый и второй глаголы не являлись здесь со всех точек зрения синонимами, что они чем-то отличались друг от друга с точки зрения вида. Выходит, что на примере этих пар полностью подтверждается взгляд Бера и других оппонентов Штрейтберга. Зато в такой паре, как *slepan* : *gaslepan* дело обстоит как раз наоборот — оба члена пары засвидетельствованы только в разных значениях (*slepan* всегда $\neq$ *gaslepan*): глагол *slepan* известен только в значении состояния — «спать», а глагол *gaslepan* обозначает начало этого состояния — «уснуть» (или «засыпать»). Для большин-

ства же глагольных пар готского языка дело обстоит так, что в одной и той же паре наряду с примерами полного тождества и взаимозаменяемости обоих членов существуют и такие примеры, где этого тождества и этой взаимозаменяемости нет. По отношению к большинству глагольных пар оппоненты Штрейтберга оказываются правы в одном: значения, перфективные со славянской точки зрения, действительно, почти во всех этих парах свободно передаются обоими глаголами. Что же касается значений, имперфективных со славянской точки зрения, то здесь дело обстоит далеко не так просто.

Например, в «супплетивной» паре *gaggan* : *galeiþan* такое значение как «ходить» (в смысле «иметь способность ходить» и в смысле реально осуществляющегося движения, но без определенной цели и фиксированного направления) никогда не передается приставочным глаголом *galeiþan*, а только бесприставочным *gaggan*. Ср. Mt. XI, 5 и Lk. VII, 22: «haltai gaggand» «хромые ходят» (греч. περιπατοῦσιν) или Lk. XX, 46: «atsailwiþ faura bokarjam þaim wiljandam gaggan in hweitaim» «остерегайтесь книжников, желающих ходить в белом» (греч. περιπατεῖν). Всего случаев *gaggan* = греч. περιπατεῖν я насчитал в готской библии 25. Между тем, хотя *galeiþan* ни разу не встречается в таком значении, другие имперфективные с точки зрения славянских видов значения этот глагол иногда передает. Ср.: 1 Tim. I, 3: «baþ þuk saljan in Aifaison galeiþands Makedonais» «отправляясь в Македонию, я просил тебя остаться в Эфесе» (греч. πορεύμενος) или J. VIII, 14: «unte wait hwaþro qam jah hwaþ galeiþa, iþ jus ni wituþ hwaþro qima, aiþþau, hwaþ galeiþa» «ибо я знаю, откуда пришел и куда иду, а вы не знаете, откуда или куда я иду» (в греческом оба раза презенс ὑπάγω) ¹.

Аналогичную картину дает и пара *standan* : *gastandan*. Поскольку речь идет о значениях «становиться (стать)», «оставаться (остаться)», а также о переносном значении «пребывать во Христе, в вере» и т. д., оба члена пары могут употребляться как синонимы, независимо от того, перфективно или имперфективно со славянской точки зрения понимается тот или иной пример. Однако значение «стоять» (в буквальном смысле) выражается только бесприставочным *standan*.

В паре *sitan* : *gasitan* синонимизм обоих членов пары имеет место, поскольку речь идет о значениях «садиться» или «сесть». В этих значениях принципиально могут встретиться оба глагола (ср., например, Mk. XIX, 35 *sitands* «сев»), хотя практически *gasitan* встречается несколько чаще. Зато в своем основном значении «сидеть» бесприставочный глагол встречаем не менее 28 раз, а приставочный соответствует греческому καθίσθαι «сидеть» всего два раза, причем в обоих примерах контекст подсказывает, или во всяком случае делает возможным, переосмысление глагола — подстановку значения начала состояния («сесть») вместо самого состояния («сидеть»): J. VI, 3: «ἀνῆλθεν δὲ εἰς τὸ ὄρος ὁ Ἰησοῦς, καὶ ἐκεῖ ἐκάθιστο μετὰ τῶν μαθητῶν αὐτοῦ» «вышел тогда Иисус на гору и сидел там со своими учениками»; в готском тексте: «... usiddja ... jah jainar gasat miþ siponjam seinaim» «вышел... и сел там со своими учениками»; Mk. IV, 1: «συνήχθη πρὸς αὐτὸν ὄχλος πολὺς, ὥστε αὐτὸν ἐμβάντα εἰς τὸ πλοῖον καθίσθαι ἐν τῇ θάλασσῃ» «собралось к нему множество народа, так что ему пришлось, взойдя на корабль, сидеть на море»; в готском тексте: «swaswe ina galeiþan <dan> in skip gasitan in marein» «пришлось... сесть».

В паре *rodjan* : *qīpan* значение «говорить» в смысле «обладать даром речи» передается посредством *rodjan* (по Штрейтбергу, «nichtperfektivierbares Durativum»). Так, в Lk. I, 20: «... sijais þahands jah ni magands rodjan» «будешь молчать и не сможешь говорить» инфинитив *rodjan* вы-

¹ Как видим, в этом примере готское *galeiþa* соответствует приставочному глаголу подлинника; но ведь и *περιπατεῖν* является приставочным глаголом, а между тем он никогда не передается при помощи *galeiþan*, а только при помощи бесприставочного *gaggan*.

ражает значение «иметь способность говорить», хотя греческий текст имеет здесь инфинитив аориста (λαλῆσαι). Ср. также *unrodjands* «немой», т. е. «не имеющих способности речи». В то же время «говорить = пользоваться даром речи» свободно передается и посредством *rodjan*, и посредством *qīran* (представляющего, по Штрейтбергу, «perfectivum simplex»), причем *qīran* может соответствовать и несовершенному виду славянского глагола (например, *dugann qīran* — Mt. XI, 7 и в других местах, всего девять раз на протяжении сохранившихся частей библии).

Показательны пары *hausjan* : *gahausjan* и *saihwān* : *gasaihwān*. Значение произвольного действия, направленного на получение соответствующего восприятия («слушать» и «смотреть») передается бесприставочным членом пары. То же относится к значению «слышать = иметь слух». Правда, в Mt. XI, 5: «baudai gahausjand» *gahausjand* = ἀκούει и в старославянском переводе (в Мариином евангелии) *глагоуши слышати*. Но здесь, как показывает контекст, по-видимому, подчеркивается момент начала состояния (как в параллельном *blindai ussaihwān* «слепые прозревают» в том же стихе). Значение «видеть = быть зрячим» только один раз передается глаголом *gasaihwān*¹, зато при помощи *saihwān* значение «быть зрячим» передается систематически. В значениях «слушать = воспринимать слухом» и «видеть = воспринимать зрением» свободно используются и бесприставочный и приставочный глаголы, причем в ряде случаев глагол с приставкой стоит там, где в славянских языках может стоять только несовершенный вид (например, *gasaihwān* : Lk. VII, 44; Mk. VIII, 23 и 24 и т. д.; *gahausjan* : Lk. X, 24 и т. д.).

Показательно, что и синоним глагола *gasaihwān* — перфективный, по Штрейтбергу, глагол *gaumjan* не способен выражать таких значений, как «смотреть» или «быть зрячим», а всегда обозначает только факт действительного восприятия чего-либо зрением, хотя при этом может соответствовать и глаголу несовершенного вида славянских языков. Ср., например, Lk. VI, 41: «aþþan hwa gaumeis gramsta in augin broþrs þeinis, iþ anza in þeinamma augin in gaumeis»? «что же ты видишь сучок в глазу брата твоего, а бревна в своем глазу не видишь?» (βλέπεις — οὐ κατανοεῖς).

В паре *waurkjan* : *gawaurkjan* такие значения, как «работать, действовать, делаться» (ἐργάζεσθαι и ἐνεργεῖν без объекта) выражаются только бесприставочным *waurkjan*. Ср. 2 Thess. III, 10: «hwas ni wili waurkjan, ni matjai» «кто не хочет работать, пусть не ест» (ἐργάζεσθαι), или R. VII, 5 «þan auk wesum in leika, winnons frawaurhti.. waurhtedun in liþum unсарaim» «когда мы были во плоти, греховные желания действовали в нашем теле» (ἐνεργεῖτο). Подобных примеров насчитывается 9. Между тем глагол *gawaurkjan* в таких значениях не встречается ни разу.

На фоне этих фактов приобретают доказательную силу и аналогичные наблюдения, касающиеся глаголов, засвидетельствованных в меньшем количестве примеров, чем рассмотренные до сих пор.

Так, в паре *bugjan* : *usbugjan* глагол *bugjan* в трех случаях употреблен в непереходном значении «заниматься куплей» (Mk. XI, 15; Lk. XVII, 28; XIX, 45) и один раз, в медиопассиве, в значении «стоять» (буквально «покупаться за такую-то цену» — Mt. X, 29). Глагол *usbugjan* в этих значениях не встречается. В переходном же значении «приобретать (или „приобрести“) что-либо посредством купли», оба глагола употребляются в равной мере.

Глаголы *hailjan* и *leikinon* употребляются в значении «лечить = заниматься лечением». Ср. Mk. III, 1: «Jah galaiþ aftra in swinagogen, jah was jainar manna gaþaursana habands handu. 2 jah witaidedun imma hailidediu sabbato daga, ei wrohidedeina ina» «и пришел снова в синагогу

¹ J. IX, 41: «iþ blindai weseiþ, ni þau habaidedeiþ frawaurhtais, iþ nu qīþiþ þatei gasaihwam eiþan frawaurhts izwara þairhwisiþ» «если бы вы были слепыми, то не имели бы греха, если же говорите, что видите (буквально: что видим), то ваш грех пребывает» (βλέπομεν).

и был там человек, имевший иссохшую руку. И следили за ним, станут ли лечить в субботу, чтобы обвинить его». В греческом тексте: «ἐ: ... θεραπεύσει αὐτόν» «будет ли лечить его»; в готском, как видим, объект опущен. Речь здесь идет не о том, будет ли иметь место факт действительного исцеления больного, а о том, будет или не будет Иисус заниматься в субботу «работой излечения». Параллельное место Lk. VI, 7, с глаголом *leikinon* «лечить» подтверждает такое понимание. Там объект отсутствует и в греческом тексте. Сюда примыкает также Mt. IX, 35: «jah bitauh Iesus baurgs allos jah haimos laisjands... merjands aiwaggeljon.. jah hailjands allos sauhhtins» «и обходил Иисус все города и села, уча,... проповедуя евангелие... и врачуя все болезни» (θεραπεύων). Ср. Lk. IX, 6: причастие *leikinonds* в таком же значении. Между тем глаголов *gahailjan* и *galeikilon* мы в подобном употреблении не встречаем. Зато в значении «лечить = излечивать» встречаются все четыре глагола, причем формы с *ga-* в иных случаях стоят и там, где естественнее ожидать несовершенного вида.

В паре *ƿahan : gaƿahan* оба члена синонимичны, поскольку речь идет о значении «замолкать» (или «замолкнуть»). В значении «молчать» встречаем только бесприставочный глагол.

В паре *bairan : gabairan* «рожать» («родить») глагол с приставкой может быть употреблен в значении несовершенного вида (ср. 2 Tim. II, 23 *gabairand* = γεννώσιν). Однако, когда переводчику понадобилось передать значение «рожать» в смысле «заниматься деторождением» (греч. τεκνογονεῖν), он употребил бесприставочный глагол *bairan* (1 Tim. V, 14).

Какова же специфика значений, не способных быть выраженными вторым, перфективным по Штрейтбергу, членом глагольной пары? В чем их отличие от других, также имперфективных (со славянской точки зрения) значений, которые этим вторым членом беспретяственно выражаются? Почему, скажем *galeiƿa* может значить «иду», но не может значить «хожу», или *gahailja* часто значит «лечу кого-нибудь» или «лечу какую-нибудь болезнь», но никогда не значит «занимаюсь лечением» или *gahausja* значит «слышу = воспринимаю слухом», но никогда не значит «слушаю = хочу воспринять слухом» и, кроме одного случая (Mt. XI, 5), где выступает начинательный оттенок (см. выше), никогда не значит «слышу = имею слух»?

По-видимому, в значениях, выражаемых только одним, имперфективным по Штрейтбергу, членом пары, таких, как «ходить», «стоять» (в буквальном смысле), «сидеть», «обладать даром речи», «обладать слухом», «обладать зрением», «работать — действовать», «заниматься куплей», «заниматься лечением», «молчать» и им подобных, глагольное действие выступает как не ведущее к переходу в новое качественное состояние и потому как ничем не ограниченное в своем протекании (хотя бы и в отдаленной перспективе). Такие глагольные значения в грамматике современных германских языков называются не п р е д е л ь н ы м и. Частным случаем неопределенного значения, частным способом действия (Aktionsart) в рамках неопределенности является «конативное» значение, например: «слушать» или «смотреть», выражающее волевое действие вне всякой зависимости от его успеха, — действие, прекращение которого в момент достижения «успеха» вовсе не обязательно, как необязателен и самый факт достижения «успеха».

Всем этим глагольным значениям противостоят другие, как правило, свободно выражаемые обоими членами пары, такие как «идти (или пойти) куда-то», «становиться (или стать) чем-то», «вставать (или встать)», «останавливаться (или остановиться)», «садиться (или сесть)», «говорить (или сказать) что-то или о чем-то», «делать (или сделать) что-то», «купить (или покупать) что-то», «вылечивать (или вылечить) кого-то или какую-то болезнь», «замолкать (или замолкнуть)» и т. д. В этих значениях действие выступает как включающее (хотя бы в перспективе) момент перехода к чему-то новому в состоянии или положении подлежащего или его объекта,

момент изменения и — актуального или ожидаемого — «скачка в новое», момент актуального или ожидаемого в перспективе «пресечения» критической точки, предела действия. Как видим, это те глагольные значения, которые в грамматике современных германских языков называются **п р е д е л ь н ы м и**¹.

Предельные значения также не представляют единой монолитной массы. Внутри этих значений можно выделить ряд более частных способов действия, обозначив их некоторыми терминами, бытующими в научной литературе. В частности, можно выделить группу «эффективных» или «сукцессивных» значений (успешного, достигающего цели действия), например «воспринимать зрением или слухом» — значений, соотносительных с «конативными» значениями типа «смотреть» и «слушать». Могут быть, далее, выделены «ингрессивные», начинательные значения («сесть» или «садиться», «замолчать» или «замолкать» и т. д.), фиксирующие начальный момент какого-то длительного состояния, «терминативные» значения в узком смысле, фиксирующие физическое движение, ограниченное пределом, целью, например «пойти (или идти) куда-либо». Однако важно подчеркнуть, что, несмотря на наличие подобных оттенков в разных глаголах, вся группа предельных значений, по-видимому, противостоит неопредельным значениям как известное семантико-морфологическое единство.

Таким образом, в глагольных парах готского языка обнаруживается наличие противопоставления предельных и неопредельных глагольных значений. С формальной стороны это противопоставление — **а с и м м е т р и ч н о е**, «хромающее»: неопредельные значения могут быть выражены только тем членом пары, который Штрейтберг считал имперфективным, а предельные — обоими глаголами без различия. Указанному правилу можно дать и обратную формулировку: перфективный, по Штрейтбергу, член пары имеет почти всегда одно только предельное значение², а имперфективный может иметь и предельное и неопредельное значение, в зависимости от действия разных факторов.

С семантической стороны важно отметить, что между предельным и по смыслу ближайшим к нему неопредельным значением **н и к о г д а** **н е т а б с о л ю т н о г о л е к с и ч е с к о г о т о ж д е с т в а**. Отсюда следует, что противопоставление предельности — неопредельности нельзя считать видом, потому что вид мы имеем, собственно, только там, где возможно и типично двойное грамматическое выражение **о д н о г о** **и** **т о г о ж е** лексического содержания, двойное «рассмотрение» одного и того же глагольного действия (как это имеет место, например, в славянских языках или в английском). Категория предельности/неопредельности представляет собой наивысшую абстракцию в области способов действия, абстракцию, в некотором роде даже перерастающую рамки лексической группировки глаголов и как бы стоящую «на пороге» грамматики. В этом смысле мы можем называть ее **«в и д о б р а з н о й»** категорией.

Поскольку значение предельности, как отмечал уже Норен, шире значения совершенного вида, вполне естественно, что формы с приставкой

¹ В своих работах по германистике, опубликованных в конце 40-х годов («Из истории второго причастия германских языков», сб. «Язык и мышление», XI, М.—Л., 1948, стр. 194 — 207; «К вопросу о происхождении посессивного перфекта», «Уч. зап. [ЛГУ]», № 97, Серия филол. наук, выш. 14, 1949, стр. 76—104), я называл предельные глаголы в древних германских языках «трансрессивными», а неопредельные — «курсивными» (последний термин заимствован у Норена). Сейчас эта терминология не кажется мне удачной. Лучшими интернациональными обозначениями для предельности и неопредельности, вероятно, надо признать «терминативность» и «атерминативность».

² Случаи неопредельного значения форм с приставкой *ga-* представляют лишь совершенно единичные исключения из общего правила. Кроме приведенного выше случая (J. IX, 41: *gasaihwam* «имеем зрение»), сюда приходится наверняка отнести только еще форму *gawas* «жил; пребывал» в примере Lk. VIII, 27.

ga- и другими подобными иногда соответствуют славянскому несовершенному виду, и притом не только многократному, но и «процессному» его значению. В частности, презенс предельного глагола употребляется не только в смысле будущего или абстрактного настоящего, но и в смысле конкретного настоящего, в значении действия, протекающего непосредственно в момент речи о нем. Так, в примере Lk. VII, 44; «Jah gawandjands sik du þizai qinon qaþ du Seimona: gasaihwiþ þo qinon?» «и повернувшись к той женщине, сказал Симону: видишь ли эту женщину?» (βλέπεις) речь идет не о способности видеть, а об эффективном значении глагола («воспринимаешь ли ты зрением?»), т. е. о частном случае предельного значения, хотя, со славянской точки зрения, здесь возможен, несомненно, только несовершенный вид; подобным же образом обстоит дело и во многих других случаях употребления глаголов *gasaihwān*, *gahausjan*, *gaumjan* и т. д.

Аналогично и в прошедшем времени глагол с приставкой *ga-* может иметь несовершенное, со славянской точки зрения, значение и нередко соответствует имперфекту греческого подлинника. Так, в примере Lk. VI, 19: «jah alla managei sokidedun attekan imma, unte mahts af imma usiddja jah ganasida allans» «и весь народ стремился прикоснуться к нему, так как от него исходила сила и исцеляла всех» (ἰάτο) имеется в виду, что больные действительно становились здоровыми, исцелялись, т. е. подчеркивается не самая способность исцеления, а ее проявление в действии, которое неизбежно предельно, связано с переходом объекта в новое качественное состояние и прекращается с достижением этого нового состояния. Но по нормам славянской грамматики здесь требуется несовершенный вид. Также и в рассказе о буре на море формы *gafullnoda* (Mk. IV, 37) и *gafullnodedun* (Lk. VIII, 23) обозначают, что лодка наполнялась волнами, — процесс, завершение которого только предстояло в ближайшем будущем. Таким же образом обстоит дело и во всех других подобных случаях употребления глагола с приставкой ¹.

С другой стороны, поскольку бесприставочный глагол может иметь, как указано, разное значение в зависимости от действия разных причин, вполне естественно, что он может, в частности, соответствовать и форме совершенного вида в славянских языках, как мы это видим в примерах вроде Mt. IX, 25: «atgaggands inn habaida handu izos» «войдя внутрь, взял ее руку» (ἐξήρτηεν) и в других подобных, в изобилии приведенных в работах Бера и Мировича.

От каких же причин зависит предельность или неопределенность *б е с п р и с т а в о ч н о г о* глагола? По меньшей мере от двух причин: прежде всего от лексического значения этого глагола и затем в ряде случаев от контекста, в котором он употреблен.

Такие бесприставочные глаголы, как *driusan* «упасть» (или «падать»), *waigran* «бросить» (или «бросать»), *nasjan* «спасти» (или «спасать»), *greipan* «схватить» (или «хватать»), в дошедшем до нас готском тексте засвидетельствованы только в предельном значении, и это, по-видимому, не случайно. Уже в силу своей лексической семантики эти глаголы вообще, видимо, не могут мыслиться как неопределенные. Очевидно, то же относится и к бесприставочным глаголам IV слабого спряжения на *-nan*, обозначающим факт перехода подлежащего в какое-либо новое качественное состояние, например, к глаголам *fullnan* «наполняться», *swinþnan* «становиться сильным, укрепляться» (или, соответственно, «стать сильным») и т. д.² Все указанные глаголы семантически сближаются с такими, как упо-

¹ За исключением J. IX, 41 и Lk. VIII, 27 (ср. предыдущую сноску).

² Отметим, что среди бесприставочных глаголов на *-nan* есть и неопределенные, например *managjan* «обладать избытком чего-либо, наличествовать в избытке», *weiþnan* «быть святым, святиться». К сожалению, вопрос о видовом значении и способе действия этих глаголов не получил освещения в обстоятельной монографии Аннерхольма, посвященной глаголам на *-nan* (см. H. A n n e r h o l m, Studier över de inkoativa verbena på na(n) i gotiskan och de nordiska fornspråken, Lund, 1956).

мянутые выше *giban*, *wairfan*, т. е. с глаголами «perfectiva simplicia» по терминологии Штрейтберга. И те и другие могут быть объединены в одну общую группу глаголов и с к л ю ч и т е л ь н о п р е д е л ь н ы х, т. е. неспособных к неопределенному употреблению. Различие между *giban* и *driusan* в смысле отсутствия или наличия при них образований с «лексически бесцветным» *ga-* окажется не таким существенным. Важнее будет подчеркнуть, что даже в тех случаях, когда соответствующие приставочные глаголы (*gadriusan*, *gawairpan*, *gafullnan*) образуются, они семантически не отличаются от соответствующих бесприставочных.

Наоборот, в некоторых других бесприставочных глаголах резко преобладает неопределенное значение. Таковы *sitan* «сидеть» (и, редко, «сесть»), *haban* «держатъ, иметь» (и, редко, «взять»), *standan* «стоять» (и, редко, «встать» или «остановиться»). Для глагола *slepan* «спать», как уже было указано выше, начинательное значение «заснуть» даже вообще не засвидетельствовано. Причина снова кроется в лексическом значении этих глаголов, выражающих неопределенные по своей природе процессы. Появление предельного значения возможно здесь лишь в случае, когда говорящий имеет в виду начало, наступление соответствующего состояния. Однако для передачи таких начинательных значений чаще используются глаголы с приставками типа *gaslepan*, *anaslepan* и т. д. В связи с этим различие значений бесприставочного глагола проводится в соответствующих парах с относительно наибольшей последовательностью. Вместе с *nichtperfektivierbare durativa* Штрейтберга (*frijon* «любить» и т. д.) перечисленные выше простые глаголы составляют группу глаголов с преобладающим неопределенным значением, глаголов н е п р е д е л ь н ы х п о п р е и м у щ е с т в у. И здесь различие между *slepan* и *frijon* в смысле возможности или невозможности образования приставочного глагола не окажется сколько-нибудь существенным, важнее будет подчеркнуть, что и для «*nichtperfektivierbare durativa*» Штрейтберга изредка возможно употребление в предельном (именно — в начинательном) значении [ср., например, семантику глагола *frijon* в следующем сочетании: *kiḥ lesus insaihwands du imma frijoda ina jah qaḥ*] (Мк. X, 21) «Иисус же, взглянув на него, полюбил его и сказал» (ἠγάπησεν; в Мариинск. еванг. — *взлюбил*)¹.

Между этими двумя полюсами (глаголами «исключительно предельными» и «непредельными по преимуществу») лежат остальные бесприставочные глаголы, совмещающие в себе предельное и неопределенное значения. Появление в них одного или другого значения определяется в каждом данном случае их употребления окружающим контекстом. При этом надо различать две основные возможности:

1. Если контекст требует подчеркнутого, эмфатического выражения предельности или неопределенности (например, в случае их прямого контекстуального противопоставления), то бесприставочный глагол используется для передачи неопределенного, а приставочный для передачи предельного значения (т. е. подобно тому, как это имеет место в паре *slepan*: *gaslepan*).

2. Если нужды в особом подчеркивании предельности/неопределенности нет, то бесприставочный глагол может использоваться и для передачи предельного значения. В этих случаях в сфере предельных значений возможен абсолютный синонимизм обоих членов пары (подобный их синонимизму в парах типа *driusan* : *gadriusan*).

Привожу примеры одной и другой возможности:

1. Контекстуальные противопоставления: J. VI, 66: «*uzuh ḥamma mela managai galiḥun siponje is ibukai jah ḥanaseiḥ miḥ imma ni iddjedun*» «с этого же часа многие из учеников его пошли обратно и с тех пор с ним не ходили»; в греч.: «ἐκ τούτου οὖν πολλοὶ ἀπῆλθον τὴν μαθητῶν αὐτοῦ εἰς τὰ ὀπίσω καὶ οὐκέτι μετ' αὐτοῦ περιεπάτουν»; Lk. VIII, 8: «*saei habai ausona du hausjan* (Мк. IV. 9,23 и 7,16: *hausjandona*) *gabausjai*» «кто имеет уши, чтобы слышать (или слушать), — т. е. уши, имеющие (вообще)

способность слышать или слушать, — пусть воспримет ими, пусть услышит (в данном конкретном случае)»; в греческом (ὁ ἔχων ὡτα ἀκούειν ἀκούετω)» противопоставление отсутствует; Lk. 14, 11: «saei hauheif sik silba, gahnaiwjada, jah saei hnaifeif sik silban, ushauhjada» «кто держит себя высокомерно, будет унижен, а кто ведет себя скромно, будет вознесен» (греч. ὁ ὑψὼν ἑαυτὸν ταπεινωθήσεται, καὶ ὁ ταπεινὸν ἑαυτὸν ὑψωθήσεται); аналогично и Lk. XVIII, 14).

2. Асемантический параллелизм бесприставочного и приставочного глаголов в предельном значении: Lk. XVI, 6: «nim þus bokos jah gasitands sprauto gamelei fimftiguns» «возьми расписку и, сев, быстро напиши: 50». Ср. в следующем стихе: «nim þus bokos jah melei ahtautehund» «возьми расписку и напиши: 80» (в греческом в обоих случаях повелительная форма аориста: ῥάψον); Lk. 9, 14: «qaþ þan du siponjam seinaim: gawaurkeif im anakumbjan» «и сказал он ученикам своим: велите им сесть» (греч. καταλίνετε αὐτοὺς «посадите их»). Ср. J. VI, 10: «if Iesus qaþ: waurkeif þans mans anakumbjan» «Иисус же сказал: велите людям сесть» (ποιήσατε τοὺς ἀνθρώπους ἀναπεσεῖν); Lk. XIV, 19: «juka aubsne usbauhta fimf jah gagga kausjan þans» «я купил пять упряжек волов и иду испробовать их». Ср. Lk. XIV, 18: «land bauhta jah þarf galeifan jah saihwan þata» «я купил землю и должен пойти посмотреть на нее» (в греческом в обоих случаях аорист ἡγάρασα).

Такова картина отношений в готском языке, как она раскрывается в тексте готской библии Вульфила. Можно предположить, что в более древнюю пору, в период до соединения глаголов с приставками, предельное и неопределенное значения выражались в одних случаях специализованными глагольными основами, а в других совмещались в одной и той же основе. Затем появляются приставочные глаголы, в которых приставка, ограничивая протекание действия в пространственном и временном отношении, обычно превращает глагол в предельный. Большинство приставок, нами здесь не рассмотренное, вносит в глагол значение конкретного предела, связанного с пространственным ограничением протекания процесса или с уточнением того или иного частного способа действия. Но наряду с этим выделяются и такие приставки, в которых значение предела носит более абстрактный характер, прежде всего приставка *ga-*. Возникают глагольные пары. К основам, употреблявшимся до сих пор в обоих значениях, — предельном и неопределенном, — все чаще прибавляется теперь — для недвусмысленного выражения предельного значения — приставка *ga-* (или другие приставки). Однако это не влечет за собой немедленного и полного отмирания предельного употребления бесприставочного глагола. Возникает в определенных рамках асемантический параллелизм обоих членов пары. Глаголы, употреблявшиеся до сих пор в силу своей лексической семантики только в предельном значении, продолжают употребляться в нем, причем некоторые из них не дают образований с «бесцветной» приставкой *ga-* (это «perfectiva simplicia» Штрейтберга), а другие дают такие образования, но лишь в порядке аналогии, без закрепления за приставочной основой какой-либо специальной функции. Наконец, глаголы, употреблявшиеся в силу своей лексической семантики преимущественно в неопределенном значении, продолжают употребляться в нем, причем некоторые из них тоже не дают образований с приставкой *ga-* (это «nichtperfectivierbare durativa» Штрейтберга), а другие дают такие образования, закрепляя за ними чаще всего начинательное значение.

Итак, подведем итоги. В готском языке не было ни глагольного вида, подобного славянскому, ни вообще категории глагольного вида. Но в нем была «видообразная» категория предельности/непредельности глагольного действия, проявлявшая себя несколько иначе, чем соответствующая категория в современных германских языках. Специфика предельности/непредельности в готском заключалась не столько в асимметричном, «хромающем» характере этого противопоставления (ведь и в современных

языках нередки случаи совмещения в бесприставочном глаголе неопределенного и предельного значения), сколько в том, что здесь существовал абстрактный показатель предельности (приставка *ga-*), какого в современных германских языках мы уже не находим. В связи с этим в готском языке имелся довольно широкий круг глагольных пар, внешне напоминающих некоторые типы видовых пар славянских языков, что и явилось источником ошибки Штрейтберга и его многочисленных последователей¹.

¹ В момент, когда данная статья находилась в печати, вышла в свет работа М. М. Маковского «К проблеме вида в готском языке» («Уч. зап. [1-го МГПИИЯ]», т. XIX, 1959, стр. 41—98). Автор в духе Штрейтберга говорит о «перфективном значении» приставки *ga-*, но, с другой стороны, в духе оппонентов Штрейтберга также и о том, что приставка эта «в большом количестве случаев употребляется весьма факкультативно» (указ. соч., стр. 72). Вопросы о значении предельности и неопределенности глагольного действия в готском языке М. М. Маковский не касается.